

Журнал **РОССИЙСКОГО ПРАВА**

- Профессор В. В. Лазарев о научных подходах к пониманию права
- Публичное экономическое право: вопросы теории
- Защита интересов кредиторов в деле о банкротстве
- Процессуальная регламентация дознания: необходимо изменение УПК
- Процедура импичмента в США: декларация или реальный правовой механизм?

Поиск права

В. В. Лазарев

Несколько очевидных утверждений должны, по мысли автора, предварять настоящую эссе. Во-первых, никто из теоретиков, никто из практиков, ни в Европе, ни в Азии и, пожалуй, нигде в мире открыто, официально не выступает против права. Сегодня ценность права является едва ли не общепризнанной для сколько-нибудь цивилизованного общества. Во-вторых, на каждом континенте, в каждой социальной группе, каждое исследовательское направление, каждая школа права и каждый серьезный теоретик имеют свое представление о праве.

Не все то золото, что блестит. Но в представлениях о золоте как таковом, как о ценности, единство наблюдается, а специалисты всегда сойдутся во мнении и о пробе его. Между тем о «пробе» права речь даже и не заходит. А стоило хотя бы определиться в отличительных свойствах его. Ведь без этого, как я понимаю, невозможно употребление права и правовой материи. История, кстати, знает примеры употребления золота на изготовление ночных горшков, как знает она и призывы отправить государство и право в музей древностей рядом с прялкой и бронзовым топором. За что им такая участь?!

В свое время юридический мир с пониманием воспринял призыв известного немецкого юриста, лозунг

его «борьба за право». Сегодня демократический мир провозглашает лозунги правового государства, а некоторые страны готовы гордиться тем, что уже и воплотили эти лозунги в жизнь. И никто не возмущается, никто не протестует. Даже марксисты, похоже, смирились, хотя прежде могли признать только государство законности.

Сегодня не слышно никого, кто отважился бы выступать против прав человека и гражданина, против того, чтобы ставить их всегда и во всем на первое место (буржуазный идеолог Л. Дюги ставил на первое место обязанности, но кто же к нему ныне прислушивается...). Да и как не признать, что жизнь, здоровье человека — естественные блага. А достойная жизнь? А охрана здоровья? Международные акты о правах человека и гражданина стали достоянием широкой мировой общественности. Открылись хорошие возможности борьбы за права в судебном порядке. Поиск права законодателем, поиск права в защиту права судебными органами. Право ищут в решении любого спорного дела. Правом сопровождают течение позитивных процессов общественной жизни и определяют направление многих рядовых взаимоотношений людей. К праву апеллируют прокуроры и адвокаты, на право возлагают надежды простые обыватели.

В мире существуют правовые семьи с входящими в них разными правовыми системами, охватывающими, в свою очередь, разные на-

Лазарев Валерий Васильевич — доктор юридических наук, профессор.

циональные системы права. Но с некоторого времени обнаруживается тенденция к интеграции права. Формирование европейского права и появление элементов мирового права замечено и практикой, и теорией.

Что такое право? Где его искать? Ясно одно — нельзя вести поиск вслепую. Бесперспективно ловить черную кошку в темной комнате. Да и не самоцель это. Прагматично вести поиск права в качестве средства решения конкретных вопросов. Найти и показать другим, продемонстрировать и свойства, и возможности. Иначе какое же это мерило поведения людей, какой масштаб оценок!

Право называют естественным и позитивным, объективным и субъективным, народным, судейским, делегированным, санкционированным, подзаконным, партийным, политическим, конституционным, уголовным, международным, частным... И если все это право, то на чем сходятся, к чему обращены многочисленные эпитеты? Свобода и несвобода, воля и неволя, сущее и должное, идеал и реальность — куда обратить взоры? К экономике, политике, классово-борьбе, к социальному единению, к Богу, наконец? Да и вообще, имею ли я моральное право искать право? Не каждому дано официальное право озвучивать волю Аллаха. Не каждый «еретик» отважится открыто противопоставить теневое право государственному.

Мы живем в пространстве права. А, может быть, в правовом поле? Хозяйствуем на ниве права. Однако в поиске права оказываемся часто в правовом вакууме. Бумажного права нам часто недостает для решения насущных дел. Оно оказывается неэффективным. Устаревшим. Чужим. А еще есть право «наше и ваше». О, великий, могучий и богатый русский язык! Теоретики права из россиян недаром ссылаются на

латынь, немецкий и английский языки, стараясь доказать единство в понимании права.

Не все функции права благородны — некоторые из них приходится скрывать. Фасад права расцвечен и привлекателен. Но у медали есть оборотная сторона, и вместо государственного символа на монете можно увидеть цену права, которую приходится платить. В особенности в так называемые переходные периоды (а в России других-то и не было).

Ученым свойственно описывать право в пределах определенного времени и пространства. Но общая теория права потому и является общей, что способна выйти за рамки и того, и другого. Право средневековое в западноевропейском пространстве и право современное в пространстве африканском или американском различаются между собой. Однако то, и другое, и третье должны же пересекаться, если смотреть на них вне времени и пространства. Точка пересечения интеграционна, точка пересечения божественно постоянна, и какие бы параллельные права ни потянулись в будущее, откуда бы они ни исходили, они пересекутся именно в ней. Я думаю так в свете эпохальных открытий Эйнштейна и Лобачевского. Истина о праве относительна и истинны в праве относительны¹. Кому они нужны, кому нужны абстрактные относительные понятия? Гражданину в конкретном деле — нет; судье, решающему конкретное дело, только до некоторой степени. Они

¹ С восхищением прочитал у Жан-Луи Берজেя: «Особенность правового феномена заключается в том, что он по сути своей относителен: его внутренняя идея и его внешние проявления варьируются в зависимости от времени и пространства и обусловлены конкретными правовыми системами, то есть зависят от своего окружения». См.: Берже Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. С. 33.

нужны ассистенту и академику. Они нужны законодателю.

Право, будучи наполненным реальным содержанием, выполняет инструментальную роль. Можно спорить о том, что есть право, какую реальность оно отражает, можно по-разному осмысливать происхождение права, расходиться во мнениях на сущность и назначение права и т. д., но если вопрос ставится в практической плоскости, следует искать единую точку отсчета, единый взгляд, одну позицию. В самом деле: если юрист-практик обращается к праву для вынесения правильного решения, если право позволяет соизмерять действия граждан и должностных лиц, если это всеобщий масштаб поведения, то должна быть полная определенность хотя бы в одном — к каким источникам следует обращаться, из каких источников черпать решение. В данное время, в данной стране, при данных условиях.

Право утратило бы свою ценность, перестало бы выполнять свою роль по стабилизации и упорядочению общественных связей, если бы практиками понималось по-разному. Впрочем, и в теории определенность в понимании права при вполне определенных условиях места и времени — исходное начало определенности и порядка в общественных отношениях.

В разных частях света, в группах государств или в отдельно взятой стране исторически складывалась своя система права. Обстоятельства места, времени и условий развития тех или других народов объективно формировали свои источники права. Вместе с тем на каждом отдельном отрезке времени и при каждой специфической ситуации в действие вступало конвенционное начало, которое в числе других субъективных моментов способствовало единообразию в представлениях о праве.

Очень многое зависит от того, как именовать существующие явления. Если признать возможность некой конвенции среди юристов, то в некоторых вещах нам следует договориться, что как именовать. Конфуцианская позиция, да и не только конфуцианская, первым делом требует установления или исправления имен. Иначе — спор о словах. Таким образом, описание права носит во многом условный и договорный характер. Но что лежит в основе такого рода «договоренностей»? Полагаю — практические потребности.

Однако потребности эти могут быть разными:

- социальными;
- политическими;
- экономическими;
- собственно юридическими.

Разумеется, в силу разного положения людей, социальных групп, классов невозможно достигнуть единообразного понимания социальных, политических и экономических потребностей, и здесь договоренности весьма проблематичны. Отсюда и впредь по-разному будет определяться социальное (классовое), политическое (государственная ли воля), экономическое (связь с экономическим положением) содержание права. И пусть! Юристы вполне могут допустить здесь разные характеристики права. Плюрализм здесь уместен. И каждая характеристика будет уместной в той мере, в какой она кому-то служит, кому-то приносит результаты.

Собственно юридические потребности — потребности разрешения юридических дел, юридических споров — требуют по возможности полной определенности в том, что есть право, а что таковым не является. Неопределенность здесь может оказаться пагубной как для властвующих, так и для подвластных, как для олигарха, так и для любого смертного, которому еще есть что терять в этом мире.

В любом случае обозрение всего правового поля позволяет констатировать господство прагматического или инструментального подхода к праву: правом является то, что в условиях данного места и времени служит разрешению юридических дел. В чьих-то руках и право может оказаться инструментом: а) пропаганды; б) угроз; в) насилия. Мы знаем, что основное назначение права состоит в регулировании поведения людей. И мы знаем также, что роль регулятора в разных государствах в разное время выполняли разные проявления права. В практических интересах следует активнее разрабатывать проблемы источников права.

Возникает вопрос: почему в нашей стране так громко заявили о себе различные подходы к пониманию права? Вряд ли кто-то заинтересован в этом и сознательно к этому стремился. И хотя можно предположить (и история знает подобные примеры), что в сознательном запутывании вопроса для кого-нибудь заключается свой интерес, однако, скорее всего, главная причина состояла в том, что в условиях перестройки старое право перестало работать. Уже в советское время теневые отношения породили теневое право. То, что считалось правом официально, часто оставалось без должного использования и применения. Писаное право утрачивало ценность. В 90-е годы в России, подобно тому, как это происходило в Европе во второй половине XIX века, разразился кризис законности, когда общество (и внизу, и на верхних его ступенях) начало тяготиться собственными законами, когда последние стали невыносимыми как для обездоленных, так и для власть имущих. Рассогласование между жизнью и законодательством стало очевидным фактом. Старые законы выходили из употребления.

Казалось, что разные подходы к праву согласуются с демократизацией общества, признанием, в ча-

стности, плюрализма мнений. Разные силы, общественные движения и партии могут иметь свои взгляды на нашу жизнь, на политическую систему вообще и право в частности. По мере того как открывались «железные занавесы» и рушились «берлинские стены», глубже стали осмысливаться буржуазные правовые системы, допускающие иные трактовки права. Этому способствовали также и освобождение от идеологических догм, обращение к истории. Последняя, как оказалось, отличалась многообразием в понимании права. Все хорошо, но опыт разных стран и разного времени часто бездумно «перетаскивали» в Россию.

Поиску того, что есть (что представляет собой) право, способствовала ориентация на построение правового государства. Доктрина правового государства и теория «государства права» изначально ориентировались на установление соответствия между законом и правом, на подчиненное положение актов государственной власти. В ракурсе формирования правового государства становилось очевидным значение рассматриваемого вопроса для практической деятельности. Что охранять, чему подчиняться и что игнорировать — эти вопросы вставали перед каждым практическим работником. Наиболее продвинутые демократы готовы были не только судье, но и каждому сержанту милиции предоставить возможность искать право вопреки «неправовому закону». Что уж говорить о «новых русских», которых «неправовые законы» и по сей день не устраивают: право следует черпать из жизни, а жить следует по понятиям.

Существует также гносеологическая причина разных подходов к праву. В процессе познания всегда есть возможность увлечься какой-то одной стороной явления, превознести ее, не заметить или пренеб-

речь другими. Отсюда разные определения права, что само по себе даже неплохо, если при этом не искажается общая картина, если такое одностороннее определение не претендует заменить собою все другие, стать единственно правильным, играть роль всеобщего.

Трагедия заключается в том, что вместе с водой выплеснули и ребенка. Крушили недемократичные и не соответствующие новым отношениям законы и утвердили нигилизм к закону вообще. В мутной воде, в расплывчатом и плюралистичном представлении о праве рыба больше ловится и крупней. На ловлю счастья и чинов выходили матери. Скоро уже публично начали издеваться и над законами, и над законодателями, благо последние часто того заслуживали. Наиболее хитрые васьки слушали и ели. Да и как не есть, если все правотворцы, и думские в первую очередь, отыскивали свое право, пролоббированное сильными мира сего. А ведь для правоприменителей и рядовых граждан, как и в советское время, имеют значение изданные в надлежащем порядке, сохраняющие юридическую силу законы и подзаконные акты. Вновь, как и прежде, под ногами те же грабли: несоответствие закона праву. И опять тот же вопрос: где искать право? Как понимать его? Как определять?

В этом году исполняется 200 лет Казанскому университету (Императорскому, Ленинскому и теперь просто государственному). Юридический факультет именовался тогда нравственно-политическим, и в самом наименовании просматривалось понимание права. Общий подход к пониманию и восприятию права учеными Казанского университета был навеян, во-первых, российскими (византийскими и азиатскими) реалиями, сильными позициями исторической школы права и проникновением революционных

идей естественного права. Само наименование общетеоретической кафедры (естественное, политическое и народное право) дает основание для такого вывода.

В соответствии с морально-нравственными устоями православного миропонимания, ориентирами добрых дел и искупления греха, либеральные периоды отличались позитивной нацеленностью общественно-идеологических установок на поиск естественных начал человеческой жизни. И, как отмечали исследователи, из всех отделений старого университета отделение нравственных и политических наук, пожалуй, более всех остальных давало духовное и нравственное содержание своим слушателям. Где оно, это «духовное и нравственное», в преподавании права сегодня?

К чести нашей, оговорюсь, что сегодня издают труды Д. И. Мейера, того профессора, о ком Н. Г. Чернышевский отозвался как об «одном из героев гражданской жизни, все силы которых посвящены осуществлению идей правды и добра...»². Таковыми в Казанском университете были и многие другие, несмотря на то, что научный труд, как констатировал один из деканов юридического факультета профессор А. А. Пионтковский, мог привести автора не только на научный пьедестал, но и на скамью подсудимых³. В 80-х годах XIX столетия профессор Казанского университета Н. П. Загоскин, снискавший себе известность одного из прогрессивных профессоров-либералов, обращаясь к студентам-первокурсникам, говорил: «Вы избрали юридическое образование, этим самым вы взяли на себя высокую цель, цель

²Чернышевский Н. Г. Сочинения. Т. IV. М., 1948. С. 670.

³См.: Факультет, на котором учился Ленин (Очерки). Изд. Казанского ун-та, 1970. С. 100.

жизни, которая будет заключаться в проведении идеи правды в народ...»⁴ И далее он указывал, что университет готовит людей, «способных разумно и сознательно проводить в жизнь идею правды, а не казуистов, способных ловить рыбу в мутной воде российских законов»⁵.

Уже в первом произведении по правоведению, напечатанном в Казани, в книге декана нравственно-политического отделения Иоганна Христофора Финке «Естественное, частное, публичное и народное право», содержится определение основных понятий и общее учение естественного права. Первая часть ее посвящена частному естественному праву, вторая — естественному государственному праву, третья — естественному гражданскому и четвертая — естественному народному праву. Это все свидетельствует о своего рода интеграционном подходе к праву.

В общей форме можно утверждать, что даже во времена, когда в России господствовало крепостное право и право самодержавия, ряд ученых Казанского университета обращались к общей идее права (идее правды и добра, как сущностной идее права), искали нравственные основания права, обнажали проблему прав человека. Как реакцию на это со стороны властей следует расценивать введение курсов, ориентированных на положительное право Российской империи, и фактический запрет спрашивать со студентов, кроме знаний действующих норм, знание «разных действующих мнений и доктрин»⁶.

⁴ Загоскин. Лекции по энциклопедии права, прочитанные в 1886-87 акад. году юристам первого курса (Рукопись). С. 2. — Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского при Казанском государственном университете.

⁵ Там же. С. 2—3.

⁶ Юридический факультет Казанского университета: Два века образования и науки. Изд. Казанского ун-та, 2004. С. 21.

Пишу о казанских ученых не только из патриотических чувств к Alma Mater. История университета — типичный отрезок российской истории. Его ученые искали право параллельно с учеными западных университетов. И поиск некоторых из них не превзойден до сих пор. Сошлюсь в этой связи на профессора Г. Ф. Шершеневича, работы которого с полным основанием рекомендуются современной молодежи. Парадокс состоит в том, что Шершеневич — государствовед, нормативист, но в советское время на него даже сослаться считалось политической крамолой. Сегодня государственников колотят (в угоду гражданскому обществу, будто таковое возможно без нормального государства), сегодня нормативистскую теорию едва ли не отождествляют с ленинизмом, а Шершеневича популяризируют.

Источником права Г. Ф. Шершеневич считает государство. Право, по его мнению, представляет собой нормы, определяющие отношения человека к человеку угрозой на случай нарушения известным страданием, которое будет причинено установленными для этой цели органами государственной власти⁷. Основной признак права автор видит в том, что «юридические нормы обладают организованной защитой»⁸. Одновременно Шершеневич был очень близок к восприятию материалистической доктрины в обосновании процесса развития права. Он писал: «...Когда утверждается, что право развивается, складывается под условием склада экономических отношений, то против этого невозможно возражать с точки зрения исторической действительности»⁹.

⁷ Шершеневич Г. Ф. Определение понятия о праве. Казань, 1896. С. 74; *Он же*. Общая теория права. Вып. 1. М., 1910. С. 212.

⁸ Шершеневич Г. Ф. Определение понятия о праве. С. 63.

⁹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 2. М., 1911. С. 494.

И здесь же: «Фактически влияние в государстве обеспечивается за классом, имеющим наибольшую экономическую силу. Соответственно тому политический порядок складывается всегда в пользу предоставления власти экономически сильнейшему классу». Для тех, кто к концу XX века предал забвению марксистский подход к праву, считаю необходимым специально воспроизвести признание либерального профессора-буржуа: «...Огромною заслугою исторического материализма остается то, что он выдвинул выдающееся значение экономического фактора, что он указал возможность связать «в конечном счете» даже высокие идеи и благородные чувства человека с материальною стороною его существования». «...Экономически материализм представляет собой одну из самых крупных гипотез в учении об обществе, способную лучше всего объяснить массу общественных явлений»¹⁰, — пишет он далее.

Нормативное понимание права лучше всего служит для отражения его инструментальной роли. Определение права как совокупности охраняемых государством норм позволяет гражданам и другим исполнителям правовых предписаний знакомиться с содержанием последних по тексту нормативных актов и соответственно сознательно избирать вариант своего поведения. Уже по одной этой причине нельзя отвергать данный подход. Нельзя связывать его с одними именами (например, именем Вышинского), забывая о других, или с одним временем (например, временем культа личности), не принимая во внимание позитивную роль нормативистских воззрений и нормативистской практики.

В наибольшей степени нормативистская теория права разработана Г. Кельзеном. У него право постав-

лено в такую связь с государством, что последнее само рассматривается как персонифицированный порядок. Право в названной теории представляет собой иерархическую (ступенчатую) систему норм, представляемую в виде лестницы (пирамиды), где каждая верхняя ступенька обуславливает нижнюю, а нижняя вытекает из верхней, ей подчиняется. И если верхней ступенькой являются конституционные нормы, а далее соответственно идут нормы обычного закона, нормы правительственного акта, нормы инструкций министерств и ведомств, вплоть до индивидуальных актов, то принцип соответствия одной нормы другой как раз и означает утверждение строгого режима законности.

Ранее Кельзен подвергался безоговорочной критике. Сегодня мы понимаем, что критика эта была в большей степени обусловлена идеологическими факторами. Кельзен, например, не задавался вопросом о классовой сущности права, отвергал изучение права в аспекте экономики и политики, не входил в решение вопроса, откуда берется исходная норма права (изучение права из самого права), так называемая основная норма, стоящая над конституцией и нормами международного права. Но для практического юриста это действительно второстепенные вопросы! Он отдавал первенство норме международного права перед нормой внутреннего. Теперь большинство государств вынуждено признать необходимость соотносить свое законодательство и юридическую практику с актами о правах, международными соглашениями, резолюциями ООН и т. д.

Правом признается государственная воля, выраженная в обязательном нормативном акте, обеспеченном принудительной силой государства. Чистый практик нормативного толка в решении конкретного дела не задумывается о классовой окраске государственной воли. Это

¹⁰ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 1. С. 125, 126.

может быть воля всего народа или отдельной его части, воля большинства или меньшинства, прогрессивных или консервативных слоев общества. Государственную волю могут сформировать и исключительно интересы правящей элиты, расходящиеся с интересами страны.

Во взгляде на действительность и решение дела через юридические очки, через призму принятых государством нормативных актов — содержание нормативного подхода к праву (одновременно положительное и отрицательное). Вначале о положительном.

1. Нормативный подход больше, чем какой-либо другой, подчеркивает определяющее свойство права — его нормативность. Иметь в виде руководства общее правило — это благо, особенно если оно всеобщее и устойчивое.

2. Нормативность в данном подходе органически связана с формальной определенностью права, что существенно облегчает возможность руководствоваться правовыми требованиями.

3. Фиксированность средств государственного принуждения в случаях нарушения права.

4. Противостояние режиму произвола и беззаконию.

5. Косвенная ориентация на необходимость возведения в закон надлежащей (справедливой, моральной, прогрессивной и т. п.) воли.

6. Ориентация на подзаконное нормативное регулирование общественных отношений в ходе юридической практики.

7. Признание широких возможностей государства влиять на общественное развитие.

Последний пункт в качестве положительного обстоятельства небесспорен. И если приводить его здесь, то надо иметь в виду то государство, которое выражает интересы общества, служит им, ориентируясь на такие ценности, как справедливость, свобода, гу-

манность. Нормативное понимание права хорошо служит в те исторические периоды, которые отличаются стабильностью. Оно не вызывает нареканий с точки зрения практики, если законодательство обновилось, если при этом соблюдены все демократические процедуры, если в нормах отразились передовые настроения широких масс.

Отрицательное в нормативном подходе проявляется в игнорировании содержательной стороны права: положения и степени свободы адресатов правовых норм, субъективных прав личности, моральности юридических норм, соответствия их объективным потребностям общественного развития. Само по себе нормативное понимание права было бы неплох. Уязвимым его делает, как это ни парадоксально, государство. В силу разных причин в определенных обстоятельствах оно удовлетворяется устаревшими нормами или, хуже того, издает акты, идущие вразрез с жизнью, принимает нормы, работающие на консервативные силы.

Здесь сосредоточено внимание на нормативистском понимании права, на нормативном поиске права и нормативном его определении, хотя можно было бы проиллюстрировать положительные и отрицательные стороны иных подходов. Инструментальный подход к праву, будучи сугубо практическим, не отрицает теоретических подходов. Более того, в каждом из них он находит нечто полезное для себя. Нормативизм указывает ему на такой инструмент, как нормы общего характера, общие правила поведения, выступающие регулятором поведения и мерилем решения конфликтов. Социологическое направление права (кстати, самое прагматичное) дает целый инструментарий руководств, включая конкретные решения судей и администраторов. Естественно-правовое направление указывает на макси-

мы справедливости, в том числе те, которые исходят из уст религиозных или светских авторитетов. Философское понимание права, как самое теоретическое, заставляет ориентироваться на самый общий императив, обеспечивающий свободу индивида. Психологические теории апеллируют к чувственным инструментам, скрывающимся в сознании или в подсознании человека. Таким образом, инструментальный подход к праву созвучен интегративному, является на практике его реализацией. Мне импонирует в этой связи позиция Гарольда Дж. Бермана: «Нам необходимо преодолеть... заблуждение относительно исключительно политической и аналитической юриспруденции («позитивизм»), или исключительно философской и моральной юриспруденции («теория естественного права»), или исключительно исторической и социометрической юриспруденции («историческая школа», «социальная теория права»). Нам нужна юриспруденция, которая интегрирует все три традиционные школы и выходит за их пределы»¹¹.

Будучи сторонником интегративного подхода к праву, полагаю, что для глубокого познания права все определения, если они отражают хоть какую-то часть реалии, полезны. Для практического использования уместно искать единое понимание права. В тех пространственных и временных пределах, в которых решается конкретное дело, Россия традиционно следует нормативному восприятию права и на этом пути не исключается сближение ее (интеграция) в какой-то перспективе с любой другой. Судебный прецедент фактически уже входит в жизнь, вплетается в нормативную ткань. И свидетельством тому является признание источни-

ком права решений Конституционного Суда Российской Федерации.

Вообще акты конституционных судов в разных правовых системах имеют много сходства. В принципе они везде представляют собой полноценные источники права в том смысле, что они:

— акты высшего органа власти;

— в большинстве своем носят нормативный характер;

— принимаются в строго установленном порядке;

— по формулированию правовых положений приближаются к законодательным текстам, хотя и имеют особенности в плане законодательной техники;

— содержат целый набор внешних атрибутов;

— являются официально публикуемыми текстами;

— всегда обязательны для своих адресатов;

— действуют непосредственно;

— они окончательны;

— влекут утрату юридической силы правовых норм;

— адресатами их является в большинстве случаев относительно неопределенный круг лиц (физических, должностных, юридических);

— участники правовых отношений всегда вынуждены руководствоваться решениями конституционного суда;

— государство обеспечивает обязательность решений конституционного суда не только соответствующими нормативными актами, но и соответствующими организационно-принудительными мерами.

Теперь все чаще обращают внимание на такой источник права, как доктрина. Так вот, акты конституционного суда более всего приближаются по своему содержанию к доктрине. Правовые позиции, выраженные в решении конституционного суда, вместе или, лучше сказать, в контексте с особыми мнениями судей напоминают доктрину в самом прямом смысле это-

¹¹ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 16—17.

го слова. Возможно уподобление решений конституционного суда праву юристов, коллективному праву юристов. Таким образом, решения конституционного суда интегрируют в себе разные свойства права по разным параметрам. И нормативизм, и социологическое направление безоговорочно увидит в них свою материю. Многие решения конституционного суда дают пищу для утверждения об успешном поиске его судьями естественного права. Психологизм также наличествует в подтекстах разных решений. И левые, и правые хотели бы видеть в решениях конституционного суда средство достижения своих интересов, что по жизни совсем не исключается.

Право в идеале более всего вяжется со свободой, с правдой, со справедливостью. Хотя и эти понятия относительны. Справедливость для одних заключается в том, а для других совершенно в ином, и для тех и других она со временем может трансформироваться. Даже теологи вынуждены признать естественное право с изменяющимся содержанием.

Право в действительности всегда в чем-то неудовлетворительное, несовершенное, требующее разных изменений в зависимости от условий места и времени. Поэтому в научных целях и в интересах эффективного правотворчества следует приветствовать разные подходы к праву, разные определения права и стремление к их синтезу в рамках единого понятия, если это диктуется практической необходимостью. Определение права как совокупности норм, общих правил поведения ориентирует на такие свойства, как формальная определенность, точность, однозначность правового регулирования. Сторонники нормативного подхода не ограничиваются формальными признаками. Но содержательная сторона указывается ими опосредованно

(косвенно) через указание на волю, которая в данных нормах отражается, и на отношения, которые эту волю обуславливают. Предполагается (далеко не всегда оправданно), что воля большинства как раз и отражает надлежащую степень справедливости и свободы. Материальные и иные условия жизни общества, которые формируют государственную волю, должны в идеале справедливо отражаться в писаных нормах. При демократических процедурах предполагается непрерывное выражение в принимаемых актах настроений, чувств и интеллектуальных достижений народа.

Широкие определения права хороши тем, что они ориентируют на рассмотрение жизни права в правоотношениях, правосознании, правоприменительных актах, субъективных правах. Авторы «философского» подхода озабочены качеством законов, соответствием последних общечеловеческим и иным ценностям. Через споры о том, что есть право, решаются многие практические вопросы: основания права, источники права, пределы правового воздействия, эффективность права, разрешение противоречий права.

Представляется невозможным оценить понимание права тем или иным ученым вообще (без учета самых разных обстоятельств). Бесплодно до бесконечности спорить, какое определение права является более истинным. Математики после открытий ректора Казанского университета Лобачевского уже не спорят по поводу пересечения двух параллельных. Вот и нам следует признать, что в зависимости от условий места и времени в качестве права выступает то одна, то другая материя, то в одной, то в другой ее форме. Однако всегда возможны оценки позиций ученых относительно их односторонности или плюралистичности в отражении правовой реалии, относительно их субъективных устремлений

служить истине и человеку. В каждом из теоретических подходов есть нечто инструментальное. Важно то, на что направлен этот инструмент и кому служит. Всегда было право официальное и неофициальное, а в новейшее время появилось еще и «теневое право». Долг ученого — осветить и то, и другое, и третье озарением своего разума.

Нормативистское понимание права импонирует не только своей пригодностью к практическому использованию, но и выходом на интегративное восприятие. Интересен в этом отношении эпизод, случившийся на одном из научных форумов, проведенных в Италии сторонниками естественно-правовых воззрений. В качестве основного докладчика (нам это может показаться странным) был приглашен их противник Ганс Кельзен. В прениях один из оппонентов выразился примерно так: «Мы с господином Кельзеном входим в лес права с разных сторон, но сходимся на одной просеке». Я вычитал это в аспирантские годы в спецхране Ленинской библиотеки и только потом осознал глубину сказанного. Видимо, та пресловутая кельзеновская *Grundnorma* может быть интерпретирована каждым направлением, каждой школой права по-своему. Для одних это воля Бога, для других — природа вещей, для третьих — воля суверена, для четвертых — феномен сознательного или бессознательного, а для пятых — жизненный факт с его конфликтными интересами. И не исключено, что юристы, выйдя из джунглей права, сойдутся наконец на какой-нибудь венецианской площади Дожа или на парижской площади Согласия с идеями учета всех объективных реалий, имеющих отношение к богатому и многогранному явлению права.

Мое рабочее определение, навеянное интегративным пониманием права, таково: «**Право — это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных офици-**

альной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом».

Кельзеновская теория — теория «чистая», теория «чистого права». На мой взгляд, кроме «чистого» права (если таковое вообще мыслимо) есть право в соединении с самыми разными иными социальными регуляторами. И на уровне норм, и на уровне сознания, и на уровне отношений имеет место интегративное регулирование. Кто сможет ответить на вопрос: моральная или правовая норма «не убий»? А кто знает, что от религии, что от морали, а что от политики в современном отношении в России к смертной казни? Представляю на суд читателя свою «менделеевскую» таблицу (см. с. 14), которая позволяет объемно видеть право и юристу, и философу, и моралисту, и политику. Она позволяет использовать разные эпитеты по отношению к праву. Более того, она позволяет искать право и в тех соединениях, которые могут получиться из всех приведенных в ней регуляторов. Весьма своеобразные соединения могут получиться, если обозначить характер каждого веления: запрет, обязанность, дозволение. Современная техника позволяет такого рода классификации. Останется их правильно поименовать.

В пояснении пока нуждаются разве лишь «автономия» и «процедура». В первом случае имеется в виду саморегулирование, когда отдельный индивид или самоуправленческое объединение находит регулятор внутри себя, свой, особый. Во втором — предполагается существование разных разных технических норм, имеющих социальную окраску, и как их разновидности — норм процедурных (процессуальных).

Обозревая приведенную таблицу, сторонник широкого взгляда не без удовлетворения обнаружит, что

социальные регуляторы не сводятся к нормам. Это одновременно и нормы, и отношения, и сознание. Прагматик-практик убедится в том, что он поступает правильно, подключая разные инструменты многообразных регуляторов в решении определенных дел. Конфуцианец постарается договориться со всеми об имени, например, того феномена, который непременно вступает в действие, когда глубоко верую-

щий человек под давлением юридического предписания вопреки сложившемуся обычаю вступает в отношения с политической властью. Наконец, теоретик (философ) права — попытается вновь и вновь интегрировать разные имена (категории), отражающие многоликую материю, в близких его уму и сердцу абстракциях. Остается надеяться, что каждый из них сделает свое дело с пользой для других.

Таблица 1

	Обычай	Верование	Право	Политика	Мораль	Автономия	Процедура
Обычай		Обычная религия	Обычное право	Обычная политика	Обычная мораль	Обычная автономия	Обычная процедура
Верование	Религиозный обычай		Религиозное право	Религиозная политика	Религиозная мораль	Религиозная автономия	Религиозная процедура
Право	Правовой обычай	Правовая религия		Правовая политика	Правовая мораль	Правовая автономия	Правовая процедура
Политика	Политический обычай	Политическая религия	Политическое право		Политическая мораль	Политическая автономия	Политическая процедура
Мораль	Моральный обычай	Моральное верование	Моральное право	Моральная политика		Моральная автономия	Моральная процедура
Автономия	Автономный обычай	Автономное верование	Автономное право	Автономная политика	Автономная мораль		Автономная процедура
Процедура	Процедурный (технический) обычай	Процедурное верование	Процедурное (процессуальное или техническое) право	Процедурная политика	Процедурная мораль	Процедурная автономия	

